

Виктор Пронин

Встретимся на очной ставке

*Часть сборника
Выигрывать надо уметь
(сборник)*

Виктор Алексеевич Пронин

Встретимся на очной ставке

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=179585

Виктор Пронин. Выигрывать нужно уметь: Эксмо; Москва; 2006

ISBN 5-699-17759-0

Аннотация

«Придя с работы домой, Витя Емельянов застал свою жену в крайне расстроенных чувствах. Более того, Нина рыдала, а последний раз, как он помнил, она вот так безудержно плакала лет двадцать назад, когда выходила за него замуж. Но тогда и причитания, и жалобы на несчастную судьбу полагались по старинному обычаю. Теперь же ничего похожего на свадьбу не предвиделось...»

Виктор Пронин

Встретимся на очной ставке

Придя с работы домой, Витя Емельянов застал свою жену в крайне расстроенных чувствах. Более того, Нина рыдала, а последний раз, как он помнил, она вот так безудержно плакала лет двадцать назад, когда выходила за него замуж. Но тогда и причитания, и жалобы на несчастную судьбу полагались по старинному обычаю. Теперь же ничего похожего на свадьбу не предвиделось.

Коротко взглянув на жену, Витя не стал ее утешать. Он прошел в ванную, умылся, сменил рубашку, закатал рукава, пригладил перед зеркалом светлые жесткие волосы, протер очки и вышел к жене.

– Слушаю тебя внимательно. – Он опустился в кресло, давая понять, что готов полностью отдаться беде, которая стряслась с Ниной, и ничто не отвлечет его, не помешает поговорить спокойно и обстоятельно. Признайся сейчас Нина в супружеской измене, самой подлой и низкой, Витя остался бы сидеть в кресле, подперев щеку ладонью, и голос его был бы таким же ровным и чутким. Он бы, конечно, удивился, осудил бы поступок Нины, постарался бы уточнить степень ее вины, а уж потом... Но нет, не будем, поскольку это всего

лишь предположение.

Комкая мокрый платок и прикладывая его то к глазам, то к носу, Нина сообщила, что с сегодняшнего дня уволена, что она уже не работает буфетчицей при столовой.

– Так, – сказал Витя и склонился в другую сторону, подперев щеку левой рукой. – За что?

– Обвес покупателей, – произнесла Нина и залилась слезами пуще прежнего. Женщина она была чуть полноватая, красивая, хотя и не такая, какой была лет двадцать назад, когда Витя, познакомившись с ней в электричке, проводил ее до дома, представился родителям и тут же посватался. Все опешили, но не отказали.

– А зачем ты их обвешивала? Впрочем, отставить... Почему ты обвешивала их так плохо, что тебя уличили? Ты могла посоветоваться со мной, я бы подсказал, как это сделать лучше. Разве был случай, чтобы я тебе не помог?

– Не обвешивала я! Понимаешь, дурья твоя голова? Не обвешивала! И не собиралась.

– Верю тебе, – кивнул Витя. – Это хорошо, что ты работала без обмана. Обвешивать тружеников – последнее дело. Работать честно – это значит работать грамотно. А при такой работе можно заслужить не только благодарность в книгу жалоб, но и мужу на ужин можно заработать, о чем тебе забывать никогда не следует. Но скажи мне, жена моя, если ты никого не обвешивала, а сняли тебя именно за обвес, как все понимать? Как дальше мне относиться к тебе?

В трудные минуты, когда судьба подставляла Вите подножку, когда жизнь подставляла подножку его жене, а это случалось частенько, Витя невольно, может быть, сам того не замечая, переходил на церемонный, выпренный слог. И не потому, что куражился, хотел показать самообладание, ничуть. Высокопарный слог требует точных выражений, ясно-го понимания положения, а кроме того, он предрасполагает к неторопливости, позволяющей сосредоточиться и осмыслить происходящее.

– Привезли рыбу. – Едва Нина произнесла это ставшее ей ненавистным слово, она заплакала еще сильнее. – В ящиках... Уже разложенную в пакеты по полтора килограмма. А мне сказали, что в каждом пакете два килограмма... А там было полтора...

Витя встал, прошелся по комнате, постоял перед телевизором и, прибавив звук, подождал, когда скажут счет матча «Днепр» – «Спартак». Убедившись, что «Днепр» выигрывает, Витя убрал звук и снова сел в кресло.

– Не могу я поверить, Нина, чтобы ты, с твоим богатым опытом, смекалкой, с твоей деловой хваткой и предприимчивостью, которые последнее время получают все большее признание в нашей жизни, не могу я поверить, чтобы ты не отличила полтора килограмма от двух.

– Не взвешивала я эту паскудную рыбу! – терпеливо, но с надрывом произнесла Нина. – Она уже была расфасована в пакеты. Покупатели сами брали и подходили ко мне с день-

гами.

– Нина, тебе известно, что торговые работники находятся на острие общественного интереса? Это зона особого внимания. Особой опасности. Твоя ошибка заключалась в том, что ты, не проверив полученный товар, начала брать с людей деньги. Деньги! – Витя поднял указательный палец. – А если бы в пакетах оказалась морковь?

– Да ну тебя! – Нина хотела было выйти из комнаты, чтобы в одиночестве предаться своему горю, но вернулась. – Привезли ящики с этой вонючей рыбой за пятнадцать минут до закрытия буфета. Понял? Какая-то у них срочность, спешка, грузчик грозит, что по моей вине пропадает товар, понял? Он вволок ящики прямо в помещение, люди увидели эту поганую рыбу, стали требовать, чтоб я немедленно пустила ее в продажу. А грузчик, Васька-шалопут, нарочно, подлец, ее в зал вволок, чтоб людей раздражить. Там уж кто-то книгу жалоб требует, кто-то уж ручку достает и написать хочет, что я товар утаиваю, что утром его уже не найдешь, пойдет из-под прилавка, понял?! В общем, дрогнула. Притащил мне Васька пять ящиков, и только первый закончился – контроль. Одну минутку, говорят, извиняются, как последние сволочи, останавливают покупателей, берут у них эту рыбу, взвешивают, спрашивают, сколько платили за нее, уточняют цену... А многие брали по два, по три пакета, и получается, что я надула чуть ли не на полтора рубля каждого!

– Продолжай, Нина. Внимательно тебя слушаю.

– А что продолжать? Составили акт...

– Давно это было?

– Недели две назад.

– И ты ничего мне не сказала?

– А чем хвастаться? Надеялась, что обойдется.

– Значит, контроль пришел за пять минут до закрытия буфета?

– Через пять минут после закрытия! В дверях уже уборщица стояла, чтоб никто не входил. А тут они. Нарочно поджидали, все заранее подстроили, – обреченно произнесла Нина. – Сумели все-таки отомстить, удалось...

Глаза Вити расширились от удивления, но он не торопился произносить слова. Он, еще раз обдумав услышанное, особенно последние слова Нины, выключил телевизор.

– Значит, им было за что мстить?

– Ха! – непочтительно хмыкнула Нина. – Стали бы они со мной связываться!

– Чем же ты им досадила? – спросил Витя, только сейчас начиная понимать, как мало знал о тайных сторонах жизни своей жены.

– А! – Нина так махнула рукой, словно речь шла о чем-то само собой разумеющемся. – Обычное дело... Повадилась к нам в столовую одна мызга из управления. С контролем, с проверкой, посоветовать приходит, как лучше работу наладить. А то и просто...

– Это как?

– Ну что тут непонятного! Придет, пообедает и уходит – сытенькая и довольненькая. Ладно, думаем себе, если дело в этом, прокормим, не впервой. Кое-кого годами кормим, выдержим еще одну нахлебницу. Но ведь до чего настырной оказалась – без гостинца уж и не уходит! То коробку конфет прихватит, то банку сока, да не какого-нибудь – манго полюбила, апельсиновый, ананасовый... Как-то пару колбасин взяла с прилавка, это, говорит, на память о хороших людях, о нас, значит. А мне-то за все это надо отчитываться, расплачиваться, отгавкиваться!

Витя долго молчал, глядя в пустой и холодный экран телевизора с таким напряжением, будто там происходили какие-то важные события.

– Но ведь это нехорошо. – Похоже, Витя впервые за весь вечер растерялся. – С ее стороны...

– С ее стороны это самое настоящее хамство! – отрезала Нина. Многолетняя работа в торговле выработала у нее скорость и четкость мышления. Она не задумывалась, как Витя, над тем, какое слово произнести, как назвать того или иного человека, как оценить его поступки. – И однажды я ее поперла. О! – Она обхватила лицо жесткими ладонями и горестно покачалась из стороны в сторону. – До сих пор удивляюсь, как мне двести шестую не припаяли за злостное хулиганство, до сих пор понять не могу... Приходит эта попрошайка, увидела у меня на витрине коробку конфет, не успела я убрать, не успела, всегда убирала перед ее приходом, а

тут оплошала...

– Увидела она коробку конфет, – напомнил Витя.

– Ну что – увидела и в сумку тут же ее сунула. К этому я привыкла, стерпела. Пообедала наша побирушка. Ладно. А жрать здорова, ох здорова! Иной мужик столько не умнет. Опять же кой-чего ей на тарелку не положишь, все отборное... Ну ладно, увидела у меня в буфете чешское пиво. Попросила. Пока я бутылку давала, вторую она сама ухватила. И что-то еще ей на моей витрине приглянулось, уж не помню что... И знаешь, Витя, как пелена глаза затянула. Со мной такое было при первых родах – вроде в своем уме, а ничего не понимаю, ничего не вижу. Но сейчас еще хуже – чувствую, злость во мне клокочет, выхода ищет и никак мне с этой злостью не справиться. У тебя бывает такое?

– Когда как, – уклонился Витя от ответа.

– И так странно – вроде я даже рада, что собой не владею, вроде мне легче от этого. Как если бы ответственность на кого-то другого переложила, а сама делаю что хочу – такое чувство накатило.

– Да, кажется, я могу себе представить, что было дальше. – Витя снял очки и начал тщательно протирать их накидкой для кресла.

– Не можешь! – хриловато рассмеялась Нина. – Не можешь, – повторила она без улыбки. – Она то попросит, я протягиваю, она на это глаз положит, я протягиваю... Потом спрашиваю, не хотите ли томатного сока? Говорит, не воз-

ражаю. Я беру банку, наполняю стакан, хорошо наполняю, без недолива, и с разгону в харю ее ухоженную да разрисованную.

– Ты очень плохо воспитана, – сказал Витя. – Я всегда тебе это говорил, но сейчас убедился еще раз.

– Ты не знаешь, как я воспитана. Я вырвала у нее из рук сумку и... по чем попало. Она в крик, ко мне бегут, но подойти боятся! Дама в двери, я за ней, она чешет по улице, а я на ходу все колочу ее по спине сумкой... Вернулась в столовую и редела до закрытия.

– А после закрытия?

– Пошла домой, – вздохнула Нина. – С улыбкой на устах. Ты даже ничего и не заметил. Все время ждала, каждого покупателя как родного встречала, чуть ли не до дверей провожала. Ну, не думала я, никак не думала, что Васька-шалопут пойдет на это. Сколько раз, подлец, приходил рублевки клянить, сколько раз ему, дураку беззубому, пива давала опохмелиться, чекушками баловала... И продал. Его тоже могли зажать, есть за что, но предупреди! Ладно бы просто уволили! Стерпела бы! Не впервой, у меня душа закаленная. Так ведь еще и осрамили перед всем народом. Товарищеский суд устроили, стыдили кому не лень, воровкой обозвали...

– Воровкой? – Витя побледнел.

– Эта попрошайка из управления и обозвала, Панасьева ее фамилия. Тоже пришла на суд. Ох и расходилась она, ох и раскочегарилась... Но о том случае, когда я ее полквартала

по улице гнала, – ни слова. Как ничего и не было.

– А кто уволил?

– Начальник треста не побрезговал приказ подписать. Уж как он, бедный, плясал перед ней, как распинался, чтоб от-метила она его гнев праведный. По статье уволил, не дал по собственному желанию уйти. Панасьева и предложила – дескать, хищение, дескать, злоупотребление... Матафонов и подхватил.

– Матафонов? Это который в нашем доме живет?

– В соседнем подъезде, – проговорила Нина упавшим го-лосом, словно это и было самым печальным во всех ее зло-ключениях.

– А теперь, Нина, у меня к тебе последний вопрос, – про-изнес Витя отчужденно, даже с холодком. – Скажи мне чест-но и откровенно, не скрывая, не тая... Все, что ты рассказа-ла, – чистая правда?

– Да ты что?

– Отвечай на вопрос!

– Ни словечка не прибавила! Чтоб мне сгинуть на этом месте!

– Это хорошо, – одобрил Витя. – Тогда все проще.

– Что проще? – с опаской спросила Нина, поскольку за по-следние двадцать лет она изучила своего мужа и знала, что, если у того за стеклами очков хоть на секунду полыхнет го-лубоватое пламя, быть беде. Жизнь их начинала идти по дру-гим законам, и никто не мог сказать, какие события случатся

через час.

Витя поднялся из кресла, так и не ответив на вопрос жены. В прихожей он долго зашнуровывал бесконечные свои шнурки, надевал пальто, потом молча и терпеливо искал коричневый берет, наконец нашел его между сапогами Нины и собственными комнатными тапочками, отряхнул, натянул на голову и вышел. Не было в его движениях ни огня, ни порывистости. Неторопливая походка человека, отработавшего день и решившего перед сном вдохнуть свежего воздуха.

Моросил дождь, асфальт отражал окна домов, и Витя медленно брел по лужам, по желтым листьям. Капельки дождя оседали на его берете, более напоминавшем какой-то колпак, на тяжелом пальто, на крупных очках, но ему это нравилось – сквозь капельки на стеклах очков мир казался непривычно искрящимся, хотя и рваным. Он долго бродил в этот вечер кругами у своего дома, захватывал соседние кварталы, снова оказывался во дворе и, постояв перед ярко освещенными окнами Матафонова, снова уходил в темноту. Если бы кто-нибудь захотел в эти минуты увидеть в его лице удрученность, борение чувств, гнев, оскорбленность, он был бы разочарован. Лицо Вити было просветленным.

Оказавшись в очередной раз в своем дворе, он обнаружил, что у Матафонова светится только одно окно, на кухне. Вите даже показалось, что за занавеской мелькнула тень самого Матафонова. Поднявшись на третий этаж, Витя нашел нужную дверь, постоял перед ней, не то в растерянности, не

то в неуверенности. Глянув на свои размокшие ботинки, он обнаружил, что один шнурок был словно изжеван, на пальцах оставался песок, но Витя был терпелив. В конце концов, затянув узел, распрямился, вздохнул глубоко и нажал кнопку звонка. Он позвонил длинно и уверенно, как человек, который знает, куда он пришел, знает, кто его встретит, как встретит.

Дверь открыл Матафонов – спортивного вида молодой человек, но с брюшком, лицо его было дерзкое и насмешливое, недавно вымытые волосы падали на лоб, на Матафонове был синий тренировочный костюм и домашние шлепанцы. Он выглядел лет на пятнадцать моложе Вити, гораздо красивее, ухоженнее. Матафонов знал гостя по дворовым субботникам и как слесаря, который обслуживал этот дом. Как-то Вите пришлось чинить сантехнику в квартире Матафопова, и с тех пор они здоровались: Витя – с уважением к большому человеку, начальнику треста, Матафонов – с подчеркнутым уважением, на случай, если снова что-нибудь случится с унитазом. Сейчас он удивился, увидев сантехника в тяжелом пальто и берете, из-под которого торчали мокрые светлые волосы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.